

Об основах нашего мировоззрения

Наше информационное поле, ставшее всеобщим, но управляемое людьми Запада, моделирует какую-то странную, искривлённую картину. Созданные этими людьми яркие понятия и лозунги, типа прав человека, либерализма, демократии, используются за прямо противоположными целями: демократическое фразёрство про объективность мнения большинства — чтобы уничтожить субъективность, борьба за права меньшинств — чтобы лишить законных прав большинство, и так далее. Прикрываясь риторикой о равноправии женщин, о допустимости нетрадиционных отношений, общество якобы заботится о свободе человека, но на самом деле ещё больше его закабальет. Под

каток закономерно попадает всё, что тысячелетиями нащупывалось с ображениями заботы о будущих поколениях (а не о прибыли нынешних), — что связано с традицией, и особенно с семьёй. Человек становится беззащитным, когда лишается человеческого образа Бога — метафоры высшего, справедливо поощряющего и наказывающего, заблотившего поучающего. Оставшись один на один с миром, в убеждённости "я сам всё знаю", он превращается в дурочка. Как теперь, находясь в перекроенном, перекромсанном инфополе, помочь человеку заново отыскать свою свободу и свою защищённость? И при этом не скатиться в ретропроект про кокошники и хороводы?

ТОТАЛЬНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Любой безрукий калека скажет, что отсутствие руки — ненормально, и не надо из солидарности ему подражать. Если бы толерантное общество так усиленно не заботилось о самоощущении толстяков, может быть, кто-то из них взялся бы за ум и привёл себя в порядок? Стал бы здоровее и не покинул этот мир и своих близких раньше времени. Но нет, под влиянием новых "человеколюбцев" люди перестают за собой следить. Стараясь облегчить жизнь толстякам, освободить их от комплексов, мы гасим естественный энтузиазм на извращение от этого, а одновременно подталкиваем остальных к мысли, что толстеть нормально. Даже озорники и маленькие хулиганы в этом смысле невольно полезнее, когда дразнят друг друга обидными словами. Общество выступает как плохая мать, которая, желая добиться от своего чада большие любви, во всём ему потакает. Она не воспитывает ребёнка, не пытается передать свои знания, накопленные с опытом, не заставляет его осваивать то, что пока он не может понять сам, а она только прислушивается к его желаниям и старается их все без исключения удовлетворить. Такая мать сбивает своего ребёнка с толку, превращает его в бездумного эгоиста; если бы ребёнок увидел, что не всё, что он вытворяет, принимается его узким социумом — семьёй, — глядящи, он получил бы намного больше пользы.

"Ад невозможно сделать привлекательным, поэтому дьявол делает привлекательной дорогу туда", — говорил святитель Василий Великий. В стремлении создать психологически комфортную жизнь современное общество, официально или нет, признаёт все мыслимые и немислимые пороки один за другим, старательно подбирая обоснование для каждого из них. Однопольные отношения — нормально! Почему? Потому что "тынет". Но тогда если отца потянуло к дочери, мать к сыну — это тоже нормально? А если тянет к ребёнку взрослого, может, его стоит пожать? Может, дело не в том, что он негодяй, а в том, что просто такие наклонности, да ещё и тонкая душа, — а мы осуждаем! На Западе всё чаще подвергаются гонениям "содомофобы", "педофобы" и "некрофобы", то есть те, кто отказывается признавать вещь этот искусственно созданный сексуальный ажиотаж. Если обоснование всему этому — аргумент про "тынет" и "хочется", — то есть ли граница, и где она?

Тоталитарное общество говорит: "Ты совершил недолжное, и мы тебя накажем". Терпимое общество: "То, что ты делал, — недолжное, но ты небезнадежен, надо только встать на путь исправления". Тоталитарное: "Нет понятия недолжного — делай что хочешь, а мы всё это публично признаем, создадим для тебя атмосферу комфорта и постараемся сделать так, чтобы все вокруг занимались тем же". Терпимое — умение прощать недолжное, толерантность — пропаганда недолжного, лицемерие — прикрытая имитацией прощения. Запад намеренно выдаёт толерантность за терпимость, стремится к победе толерантности над терпимостью. Разбухшие пороки тынут западного человека в пропасть, в которой не за что зацепиться, из которой уже не выбраться. Западу кажется, что, если не создать комфорта для любого порока, люди не станут достаточно свободными. "Освободившись же от греха, мы стали рабами праведности", — говорил апостол Павел (Рим. 6, 18). И далее: "Ибо, когда вы были рабами греха, тогда были свободны от праведности" (Рим. 6, 20). Действительно, свобода важна для порока. Но только не наоборот: потакание пороку не обеспечивает свободу.

Сторонники Запада предлагают не спущать краски, не возводить потакание наклонностям в какую-то всепоглощающую тенденцию: "Да что вы пристали, играют детишки, кому они мешают?" Или: "Как можно осуждать тех, кто просто не может справиться со своей физиологией? Им и так живётся несладко". Конечно, есть люди, которые искренне занимаются защитой, психологической поддержкой тех, кто под влиянием пропаганды лишился естественного хода своей жизни. Другие же не только не пытаются их вытащить из беды, а наоборот, стремятся убедить, что это нормально, что так и надо. Наверное, что заботимся, и под шумок развращаем такую пропаганду, что к ЛГБТ* примкнул даже те, кого с роду в ту сторону не тянуло. Число людей с гормональными отклонениями ничтожно по сравнению с количеством тех, кого откровенно совратили своей агитацией, кто просто поддался уговорам "попробовать", не имея внутренней защиты, — общество же толерантное. Мы перестали чувствовать, насколько зыбки границы между "не осуждать" — и "оправдывать", между "оправдывать" — и "проникандировать". Цель Запада — не забота об "униженных и оскорблённых", а именно пропаганда определённого образа жизни. Не борьба за права меньшинств, а увеличение их численности. Толерантно защищая некоторых, общество делает беззащитными всех, в заботе о тысячах действительно уязвимых людей забывает о миллионах нормальных.

НОРМА И ГРЕХ

Провсильная нетипичная, разного рода эксперименты, Запад не оставил миру норм, превратился в огромную разрушительную силу, своего рода антирелигию. Нормы и правила теперь устанавливает кула хорошо вооружённых крохоборов, возжелавших ограбить весь мир, а заодно узаконить свои пороки: "когда преступным людям приписывают божественные достоинства, то порок перестаёт считаться пороком, и порошный выставляет себя подражателем уже не человеческой низости, а божественной высоты" (Августин Блаженный. "Исповедь"). Все люди не без греха, только одни стремятся его уничтожить в себе, другие узаконить. Все знали, что пороки существуют, просто раньше срабатывал инстинкт самосохранения. Ведь разрушение оборачивается против самих разрушителей: прощая всё самим себе, мы задаём манеру поведения для наших детей, да и для общества в целом — по отношению к нам. Может, просто не надо лезть куда не следует? Может, чем вот так брать и всё перепалывать, больше прислушиваться к извечному в человеческой природе? Чем менять имя, может, остановиться на том, какое получил при рождении, чем менять свои внешние данные, может, не трогать на это время и духовные силы, а довериться небесам? Не лучше ли сконцентрироваться на том, что действительно требует личного творчества, что действительно важно?

Люди никогда ни до чего не договариваются, если не будут исходить из чего-то общепринятого, из ориентиров, полученных не в частном порядке, а большим коллективным разумом. Это как язык, который состоит из одинаково понимаемых языков слов — мы же не придумываем каждый раз новое. То, что сохранилось для нас в сакральной форме, в преданиях и писаниях или даже не описано, а передаётся из уст в уста, — результат многолетних размышлений наших предков или долгого молитвенного пути. Мы получили ценности и нормы, которые воспринимались как обязательные к исполнению, как то что решённое. Не придерживаясь этих норм считалось ошибкой, как в математических расчётах, только процесс получения правильного ответа более сложный. Для человека социального эта ошибка — поступок против общества, готового, если что, осудить, наказать, изгнать. Для человека религиозного такая ошибка име-

ет сакральный смысл, она — поступок против Бога, дыра, в которую вытекают духовные силы. Это грех. "Но послушайте, — скажет современный человек, выросший в атмосфере потакания, — почему, собственно, кто-то решил, что норма именно такова, что она незыблима, что все должны придерживаться именно её? На чём строится доказательство — на ругательных словах? "Грехи", "пороки" — фу, надоели. Зов плоти, желание обогатиться, прославиться, победить — вещи более понятные и привлекательные, чем какие-то там запреты. Может, в принципе никакие нормы не должны быть, и всё это выдумки унылых ретроградов, которые так любят поучать молодёжь? Может, правильно, что традиция улетучивается?"

И вот уже всё, что считалось ненормальным, официально объявляется нормальным, всё, что называлось грехом, называют свободой. Пересмотрели прежние установки, переставили акценты, сделали привычным и даже главным доселе постыдное: жадность, гордыню, тщеславие, зависть, прелюбодеяние. Современный человек сказал себе: "Хватит мне переживать, хватит чувствовать себя виноватым, хочу избавиться от морального дискомфорта, не хочу раскаяния, хочу самооправдания! Хочу делать всё, что хочу, хочу такое общество, которое всегда будет на моей стороне, что бы я ни совершил". Поразительно, как эту тенденцию уловил Иоанн Златоуст более полутора тысяч лет назад: "За грехом следует стыд, спутником покаяния является свобода. Но сатана извратил порядок и соединил свободу с грехом, а стыд — с покаянием" (Слово тридцать пятое. "О покаянии").

ПОЛЯРНОСТЬ

Может ли мать водить сына на бокс и тренироваться вместе с ним или на утренней заре ходить с ним по осеннему морозу на рыбалку? Может, но только зачем? Для этого есть мужчины. Для них не так важны чистота и комфорт, не так губительны сырость и грязь. Что бы ни говорила наука, уже больше похожая на пропаганду, у разных полов разные энергии, совсем не одинаковые интересы и устремления — банальность невозможная, но в нашем мире многое очевидное приходится произносить заново. У каждого человека свой путь, а у каждого пола — нет? Кто это придумал и зачем? Даже как-то неловко. Зачем дублировать друг друга, нивелировать энергию противоположного пола, вместо того чтобы друг друга обогащать?

Провозглашая победу над природой, мы просто утрачиваем с ней связь, отдаляемся от постижения загадки мира через плоть. Зачем нужны объятия между мужчиной и женщиной — чтобы утвердиться в глубочайшем взаимопонимании между любящими людьми, в возможности совместного экстаза? Или только как подготовка к "отправлению" "естественных потребностей организма"?

Формируемые не судьбой, не роком, не светом, а симбиозом развлечений, извращений и медикаментозных приспособлений, люди попадают в уханую зависимость: почувствовал кайф, завтра захочешь почувствовать ещё круче, а уже не получается. Тогда надо искать способы почувствовать хотя бы не хуже: "чем более стараешься Я удовлетворить своё слепое хотение, свою бессмысленную, самоуверждающуюся как бесконечное конечную похоть, тем более распадается внутренняя жажда, тем яростнее вздымаются высоковышней гнев: Я дано себе только эмпирически, слепо, ограниченно, и потому это стремление бесконечную свою потребность удовлетворить конечным — по существу нелепо" (Павел Флоренский. "Стоп и утверждение истины"). Половая жизнь формирует как личности, так и "душевные скрепы" между людьми.

РАСПАД И ЦЕЛОЕ

Что мы имеем в виду, когда произносим слово "дом", — пространство семейного духа и счастья или стены, крышу, окна и двери? Это не просто варианты трактовки, это два разных полюса. На одном мы стремимся видеть целое и тогда воспринимаем границы между его элементами как нечто условное, необязательное. На другом — видим отдельные элементы и сначала стараемся осмыслить их. Деревенскому сознанию, к примеру, проще воспринимать нечёткость границ между домом и садом, теплом и холодом, чем сознанию городского, "структурному", квадратно-нездомому. Последнее страдает от такой близблизительности, ему хочется повсюду видеть блоки и зоны, строго очерченные границы, надёжные стены и двери как в сейфе. Если не считать чашных кустика в искусственных парках, которые поддерживают в нас ностальгические грёзы, мир городского человека можно назвать преимущественно неорганическим. А значит, "сборно-разборным". Деталь механизма можно запросто отослать и на её место вставить новую, целое не только не пострадает, а, возможно, выиграет. Если мы вынем из машины мотор и установим более мощный, скорость движения увеличится. А что будет, если вынуть у человека сердце и заменить его на новое — станет ли он бегать быстрее? А если вместо руки или ноги из простых человеческих костей поставить конечность из самого совершенного сплава — станет ли здоровее? Живую материю нельзя разделить без потерь, её элементы проникают друг в друга и по какой-то собственной неопостижимой или, по крайней мере, неформальной логике становятся единым целым. "Желая только себя, в своём "здесь" и "теперь", эго самоутверждение негостеприимно запирается от всего, что не есть оно; не стремясь к самобожеству, оно даже себе самому не остаётся подобным, и рассыпается, и разлагается, и дробится во внутреннюю борьбу" (Павел Флоренский. "Стоп и утверждение истины"). Тот, кто испытал настоящую любовь, имеет драгоценный опыт восприятия вот-этого-человека не как набора качеств и черт, а как единую душевную вселенную с только ей одной присутствующими очертаниями и расцветкой. Влюблённый удивится вопросу: "За что конкретно ты любишь?" — "Разве любят за отдельные составляющие?" Как мы в прошлом определяли образ друг друга при первой встрече? "Странники", "духовные лира", "воины, возвращающиеся из похода". Мы старались сформировать в своём сознании целое бесособности. Новая мода — составлять список отдельных полезных и любопытных качеств. Вот он богатый (не богач, это было бы почти целостной характеристикой, а тот, у кого есть деньги), он со связями, он весёлый и остроумный (хорошо для компании), задиристый (может возбудить своей жизненной энергией), привлекательный, перспективный... Он специалист по такой-то частности с таким-то опытом... Нам больше не нужно обобщающего образа, мы теперь воспринимаем друг друга состоящими из разных разностей, из элементов и направлений, проектов и схем. Такой подход надёжно поддерживаете американским образованием, где каждый хорошо знает только свою пилочку и понятия не имеет о том, как устроена другая. Пилочка будет работать прекрасно, но человек будет чувствовать свою жизнь посвящённой ей, а не целому. Сначала одной, потом другой, третьей, и вот уже человек превращается в коллекцию пилочек. Такому и в голову не придёт "искать слияния со вселенной", как во времена дionисийских мистерий и расцвета религий.

Образ Пресвятой Богородицы «Взбранной Воеводе победительная»

цивилизации. Идеологии заявляют о собственном совершенстве как любая формула, люди — нет, как любая плоть.

Исторически так сложилось, что конкретика нашей мечты называется Святая Русь. Святая не в смысле цивилизационного чванства, а в смысле духовного пути. Вместо цивилизационного высокомерия — не просто уважение к народам, но способность проникаться, стремление полюбить. Мало что за границей понимает, что наша цивилизация традиционной открыта всем, лишена культа собственного превосходства, фашизма и прочих сомнительных ценностей. Никто не должен назначить себя экспертом духа, носителем гена-богослова. Территория спасения совершенно необходима, уже, кажется, весь мир мечтает о ней. Но если духовный ковчег появится где-то ещё, если кто-то провозгласит Святую Бразилию или Святой Непал, если кто-то воплотит мечту лучше нас, мы будем только рады. Нам ещё многому надо учиться. Вот литература Латинской Америки с её бесконечной любовью к простому человеку. Япония с её страстью к совершенству. Арабский мир с его удивительной способностью верить. Да и те же люди Запада, с их прошлыми духовными глупостями и стремлением к возрождению.

Святая Русь — это когда никакая толерантность, только терпимость. Никакого аристократизма — только глубочайшее внутреннее убеждение, что все перед Богом равны. Вместо социального чванства — ощущение стыда, если у тебя имущества больше других и этот избыток им не полезен. Вместо колхоза — община, вместо начальства — заботливые помощники. Никакого индивидуализма — соборность.

Демократия в современном исполнении — подчинение большинства меньшинству, а точнее, тому меньшинству, которое присвоило себе право говорить от имени большинства. Соборность, в отличие от демократии, предполагает свободу другого уровня — право на субъективность. Каждый разумный человек сначала понимает, что в любом обществе ограничение свободы неизбежно. Затем осознаёт, в чём ограничение его свободы в его обществе. И наконец, признав эти правила игры, осознанно и свободно ограничивает свою свободу сам — уж точно не по воле толпы, управляемого большинства. Он может при желании изменить обстоятельства своей жизни, отпасть от своей группы и припасть к чему-то другому, и если не делает этого, то не потому, что этого требует устройство окружающего, а потому, что он добровольно окунул свою душу в конкретное духовное пространство, из которого не хочет выбираться. Если я хочу восстановить целостное восприятие мира, с полярными энергиями, с отцовством и материнством, с любовью и молитвой, хочу воспитывать детей в традиционных ценностях, не отдавая на промывку мозгов всяким сексуальным воспитателям, я сделаю это, несмотря на попытки тоталитарного давления со стороны "демократического большинства". И через это свободно войду в духовное, соборное общение со своим "зарегором", как сейчас говорят, или просто войду в свой собор. Такая свобода противоположна "свободе" демократической, когда тебе позволено не осуществлять (дырявые дырки и т. п.) и реховное ("западные ценности"), а заботливается, нивелируется содержательное — духовные смыслы.

Святая Русь — свободная любовь, не в мерзком смысле, как рабство души перед телом, когда ради секундных увлечений мы готовы предавать жен, детей, родителей и вообще менять человеческую природу, а как свобода плюс любовь у русских философов: свобода как отсутствие доминирования кого бы то ни было, благосостояние своё и семьи вместо рабства кредитам и офисам — и любовь как способность и желание исходить из интересов близкого, глубоко его понимать, отодвигать в сторону своё во имя и ради реализации желания другого, как это заложено в нашем национальном характере.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА

Передел мира очень сильно связан с мировоззрением, битва сейчас именно за него. Вот мы видим идеальной формы яблоко без точек на кожуре. Возникает мысленный образ Европы: всё выровнено, вылизано, стерильно, жизнь отовсюду изъята, существование по закону, старики умирают в домах престарелых, чтобы никого не растревали картины умирания, запахи скрыты дезодорантами, газоны высажены и подстрижены так, как будто они из пластика, искусство заменено на симулякры, где ничто особо не тормозит душу. И эта развращённая ассоциация, этот неживой, но, кажется, притягательный мир без бурь воплощён в идеальном, совсем не сезанновском яблоке. Совершенные формы и отсутствие запаха никогда не были отличительной чертой этого мира без баян, но теперь они стали частью бренда, составляющей визуального образа, на котором и зиждется их частная мифология. И яблоко отлично ей соответствует. Мы покупаем его — как же, европейское, культурное, надо брать! — забывая, что это просто некусно.

Привыкшие в советские времена к гиперкопее со стороны государства, мы теперь все время кидаем ему претензии, мол, недоделало то, недоделало сё. Нам действительно не подарили на блюде новую мифологию, старую развалили — и бросили. Действительно, хорошо бы государству ещё тщательно обеспечивать своим гражданам информационный и эмоциональный фон: отбирать для поддержки соответствующие фильмы и спектакли; создавать собственные премии, чтобы искусством перестали манипулировать извне; поддерживать преданных своему народу творцов. Однако было бы странно делегировать сразу все. Государству сподручно давать нам подсказки, пасовки, снабжать "методическими материалами", альтернативными "магнитами",

но не более того, иначе управление культурой становится тоталитарным. Но главное воплощение любой идеи начинается с себя, с собственной личности и собственной семьи, с граждан своей страны, с бизнеса, вовсе не обязательно крупного, с реальных, а не только прикоммленых общественных организаций.

Достаточно ли мы сами, в частном порядке, выложились на своих информационных полях? Не в смысле чтения Канта и прослушивания никому не известной авторской музыки с целью потом где-нибудь блеснуть. Достаточно ли смотрим и читаем доброго и глубокого, достаточно ли закрываемся от пропалающего эгоизма и кровости, от символов и флагов агрессоров? Какую современную музыку мы слушаем — исходящие из души мелодии Свиридова или музыку жестокости, энергичные рок-вокалы с электронным барабанным боем, улавливающим нас в определённых ритмах и на всякий случай превращающим в психов? Что я сам читаю — детективные расказы, из вежливости приправленные шаблонной "психологией", — или то, что способствует освобождению, возрастанию, полёту моей души? Запад не через систему запретов — сейчас всё доступно, — а через технологии продвижения старается сделать элементами нашего внутреннего наполнения всё своё. И вот уже, вежливо выслушав аргументы про духовность русской культуры и святость Родины, наши дети не очень понимают, о чём это. А западные антиподы потирают руки, радуясь тому, как успешно крадут наших детей.

Если мы хотим, чтобы в мир пришли справедливые, духовно собранные и защищённые люди с корнями, мало распевать патристические песни. Нам следует осторожно, без избыточного идеологического нажима и оглульного отрицания, но ярко и увлекательно культивировать общественную мечту. Человек, желающий думать красиво, сам становится красивым, желающий наполняться любовью, получает любовь — в отличие от того, например, кто самоуверждается на мире, притягивая людей, которые самоуверждаются на нём самом. Если мы тонем во лжи, мы естественным образом ожидаем жизни по отношению к себе. Если не тонем, искренне расстраиваемся, когда она по отношению к нам возникает, — мы даже расстроены своим кутирумом ложь, превращаем её в нечто неестественное, нехарактерное для нашего мира. Духовный путь заключается в том, чтобы осознано, целенаправленно создавать свой мыслительный и образный мир. При таком подходе ответы на вопросы: "На то ли я сморту?", "Там ли живу?", "С тем ли говорю?" — будут более внятными.

Не только слово — всё на свете формирует наш внутренний образ. Даже лгать не обязательно словами. Бетонное окружение привлекает человека к плоскому и неестественно неизменяемому, при том, что в божественном мироздании, в природе всё меняется. Постоянное созерцание искусственных конструкций ведёт к искусственной категоризальной системе гуманитарного мышления, к тому, что смыслы можно вылизывать, выровнять, чётко отделить одну линию от другой. Наш мозг устроен не так, русский язык весь в исключениях. Не меньшее многообразие оттенков и тонкостей свойственно природе. Тогда как выпадет наша мечта — как прямые линии современной архитектуры, антипода природы? Или облик нашей мечты существует в согласии и сотворчестве именно с лесом, полем, рекой и морем?

Без малой родины нет большой — нам всем близка эта мысль. Я сейчас не о том, что пора становиться христианами, — можно жить на природе — и пожалуйста, создавая компьютерные программы и игры, изучай и пиши. Но иметь в активе свой собственный манок, своё лежбище для души, куда всегда можешь окунуться с настоящим, нематематическим наслаждением, погрузиться в блаженство, в бесконечно изменяемый тонкий мир. То же с религией. Её порой называют просто политикой и даже "просто бизнесом", но так рассуждают, скорее, люди, которые сами живут исключительно политикой и бизнесом. Когда человек хочет отключиться от низменного, насытиться духовным, он может получить от религии в свой внутренний арсенал всё, что нужно, — умные выводы, свет, благодать. Сознание формируется во всех направлениях, просто надо всегда задавать себе вопрос: сделал я очередной шаг вперёд или назад, например, закравшись от чего-то, не пожелал чего-то искренне воспринять?

Россия — мир искренних улыбок вместо ритуальных, мир природы и живых человеческих отношений без обожествления прокладки в виде законов и правил. Нам противно заниматься фальшивой картинкой себя, но нам дорого то, что действительно живо во всех нас. Индивидуалистическое, доминирующее, пожирающее другого, лицемерное уже почти что затнуло весь мир, осталось самая малость, и, возможно, эта малость — мы с вами. В удивительно увлекательном и важном диалектическом процессе формирования собственного сознания участвуют все человеческие органы, а не только все чувства и мысли. И истины его следуют не к области философии, не к области педагогики, а именно к области жизнестроительства, участники которого стараются всеми силами воплотить иное, своё. Именно воплотить, а не только описать — этого уже давно недостаточно, слишком кабинетно, слишком на отдалённом переклестив. Нам предстоит уже даже не воссоздавать нашу национальную мечту, как в книге Карташёва "Воссоздание Святой Руси", а именно воплощать, расщипываясь делом — поначалу в быту, в семье, в своём узком кругу, дальше — больше. Нельзя отвечать на вопрос, как действовать, но не действовать, из ответов всегда должно следовать умное делание.

Михаил ЕРМОЛАЕВ

* Запрещённое в РФ экстремистское движение